

lesquelles d'autres se montrent parfois moins discrets, je n'ai pas à les dire non plus. Je déclarerai seulement, après des confidences reçues à bonne source, que M. A. Papadopoulos-Kérameus ne se trouvera pas de longtemps sans doute dans le cas de pouvoir terminer son oeuvre au métokhion. Et la chose serait regrettable infiniment, si le docte diacre Kléopas Koikylidès, bibliothécaire du Saint-Sépulcre à Jérusalem, ne devait bientôt, dès qu'il sera possible, venir parachever la description des codices.

J. Pargoire.

В. К. Ернштедтъ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Русская филологическая наука понесла недавно незамѣнимую утрату: 21-го августа текущаго года скончался одинъ изъ ея наиболѣе видныхъ представителей, профессоръ-академикъ Викторъ Карловичъ Ернштедтъ. Смерть унесла покойнаго на 47-мъ году его жизни, въ полномъ расцвѣтѣ его научныхъ силъ и способностей, не давъ ему возможности завершить и половины начатыхъ имъ новыхъ работъ.

В. К. Ернштедтъ родился въ 1854 году въ С.-Петербургѣ и по окончаніи курса въ частной гимназій Видемана поступилъ въ 1871 году на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго Университета, гдѣ главнымъ образомъ занимался у К. Я. Люгебиля и Ѳ. Ѳ. Соколова. Не смотря на свои очень еще юные тогда года, Викторъ Карловичъ на первыхъ же порахъ сумѣлъ избрать для своей дальнѣйшей научной дѣятельности именно тотъ путь, который наиболѣе подходилъ къ особенностямъ его таланта, а именно, путь критическаго изслѣдованія памятниковъ античной литературы и языка. Въ то время этотъ путь былъ еще очень мало знакомъ нашей филологической наукѣ, въ которой главную роль играла не самостоятельность мысли, а компиляція. Такимъ образомъ, если починъ въ дѣлѣ выведенія русскаго классицизма на настоящую дорогу принадлежитъ К. Я. Люгебилю и Ѳ. Ѳ. Соколову, то заслуга В. К. заключается въ детальномъ развитіи этого новаго направленія и въ приобщеніи къ нему цѣлаго ряда оригинальныхъ дополненій.

По окончаніи Викторомъ Карловичемъ въ 1875 г. Университетскаго курса, ему въ 1877 г. было поручено факультетомъ чтеніе лекцій по классической филологіи въ качествѣ «преподавателя». Эту должность молодой ученый занималъ вплоть до 1880 года, когда по защищеніи магистерской диссертациі былъ командированъ на два года въ Грецію для изученія эпиграфическихъ и другихъ памятниковъ античнаго міра. Въ 1882 г. командировка была продлена еще на одинъ годъ, который Ернштедтъ провелъ въ Италіи, гдѣ изучалъ главнымъ образомъ греческія рукописи Рима, Неаполя, Флоренціи и Милана, продолжая такимъ образомъ тѣ занятія по греческой палеографіи, которыя были начаты имъ

въ 1878 г., когда онъ на частныя средства совершилъ лѣтомъ научную поѣздку въ Лондонъ и Оксфордъ. По возвращеніи изъ-за границы Викторъ Карловичъ снова приступилъ къ чтенію лекцій въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, сначала въ качествѣ приватъ-доцента, а затѣмъ съ 1884 года какъ экстраординарный профессоръ по кафедрѣ греческой словесности. Занятія греческой палеографіей, въ которой Викторъ Карловичъ видѣлъ необходимое подспорье для каждаго филолога-классика, снова въ 1885 г. увлекли его на лѣтніе мѣсяцы за границу, а именно, въ Швецію, гдѣ онъ въ Стокгольмѣ, Скуклостерѣ, Упсалѣ и Копенгагенѣ изучалъ греческія рукописи главнымъ образомъ со стороны приписей и датъ. Продолжая читать лекціи въ Университетѣ, Викторъ Карловичъ въ то же время подготавливалъ къ печати свою докторскую диссертацию, которая и была защищена имъ въ 1891 году. Въ томъ же году Викторъ Карловичъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ, а Императорская Академія Наукъ, два года спустя почтивъ его выборомъ въ адъюнкты по кафедрѣ классической филологіи, въ 1898 году избрала его экстраординарнымъ академикомъ. Такова въ общихъ чертахъ служебная дѣятельность Виктора Карловича, дѣятельность, которая, если не считать его временнаго секретарства въ Императорскомъ Археологическомъ Обществѣ и редакторства по отдѣлу классической филологіи въ Жур. Мин. Нар. Просвѣщенія, было всецѣло посвящена С.-Петербургскому Университету, которому покойный отдалъ почти 25 лѣтъ своей жизни, до послѣдней минуты, не смотря на тяжелую болѣзнь, не желая разставаться съ нимъ.

Все литературныя работы покойнаго, будучи почти исключительно посвящены изученію памятниковъ греческой литературы, носятъ на себѣ преимущественно критическій характеръ, который выражался не только въ частичныхъ исправленіяхъ отдѣльныхъ мѣстъ въ сочиненіяхъ древнихъ авторовъ, но и въ критическихъ изданіяхъ цѣлыхъ текстовъ. Наклонность Виктора Карловича къ конъектуральной критикѣ ясно выразилась уже въ его первой печатной работѣ «Критическія замѣтки на Светонія» (Ж. М. Н. П. 1876), и еще сильнѣе въ его «Observationes Antiphontae» (Ж. М. Н. П., 1878), которыя служатъ своего рода вступленіемъ къ изданію рѣчей Антифонта, вышедшему въ 1880 г. (*Antiphontis orationes*, ed. V. Jernstedt, Petropoli, 1880) и встрѣченному съ восторгомъ лучшимъ знатокомъ аттическихъ ораторовъ Кобетомъ (*Ср. Mnemosyne*, v. V, стр. 269 сл.: sic oratorum atticorum amatoribus novum comparavit instrumentum, quo melius et utilius comparari non posse existimo).

Заключая въ себѣ цѣлый рядъ блестящихъ возстановленій текста на основаніи данныхъ языка и палеографіи, это изданіе вплоть до настоящаго времени остается наиболѣе совершеннымъ критическимъ пособіемъ, равно какъ и магистерская работа Виктора Карловича, вышедшая въ 1879 г. подъ заглавіемъ: «Объ основахъ текста Андокида, Исея, Динарха, Антифонта и Ликурга» (Ж. М. Н. П., и отдѣльно) и посвящен-

ная оцѣнкѣ и разбору наиболѣе важныхъ рукописей 5 вышеупомянутыхъ ораторовъ.

Во всѣхъ отмѣченныхъ мною работахъ Викторъ Карловичъ ясно сказалъ какъ осенности его таланта, такъ и его взглядъ на основную задачу классической филологіи и средства къ ея достиженію. Этой основной задачей Викторъ Карловичъ считалъ установленіе критически провѣренныхъ текстовъ, такъ какъ безъ подобной подготовительной работы нельзя достигнуть положительныхъ выводовъ общаго характера. Что же касается до средствъ, то они были указаны покойнымъ уже въ его «Критическихъ замѣткахъ на Светонія», гдѣ онъ говоритъ, что независимо отъ необходимости естественной и наглядной системы при установленіи рукописнаго преданія нужно имѣть въ виду при поправкахъ испорченныхъ мѣстъ какъ данныя палеографіи, такъ и особенности языка каждаго отдѣльнаго автора.

Твердо держась этого основнаго взгляда, В. К. съ рѣдкой послѣдовательностью проводилъ его во всѣхъ своихъ работахъ, изъ которыхъ, кромѣ отмѣченныхъ нами выше, особенно выдѣляется по законченности его докторская диссертация: «Порфирьевскіе отрывки изъ Аттической комедіи». Представляя собой оубликованіе новыхъ отрывковъ Менандра, это изслѣдованіе является какъ бы итогомъ всей предшествующей работы Виктора Карловича надъ источниками и вмѣстѣ съ тѣмъ нагляднымъ доказательствомъ того, какихъ блестящихъ результатовъ достигъ Викторъ Карловичъ благодаря проведенію своего основнаго научнаго взгляда. Жалкіе фрагменты получаютъ подъ его рукой благодаря глубокому знанію имъ языка, литературы и палеографіи форму связнаго и цѣльнаго текста; во всѣхъ сдѣланныхъ имъ дополненіяхъ нѣтъ и слѣда пустыхъ гипотезъ, не подкрѣпленныхъ достаточными основаніями; наконецъ, все въ работѣ глубоко продумано, остроумно развито и такъ искусно соединено въ одно цѣлое, что всѣ отдѣльныя замѣтки по разнымъ вопросамъ, касающимся литературы, языка и палеографіи, кажутся какъ бы необходимыми органическими частями, безъ которыхъ не было бы полной гармоніи въ цѣломъ.

Такимъ же характеромъ глубокой продуманности и законченности отличаются и всѣ мелкія статьи Виктора Карловича, посвященныя главнымъ образомъ критикѣ текста различныхъ греческихъ авторовъ и представляющія собой блестящія и остроумныя догадки и коньектуры. Кромѣ упомянутой мной выше статьи «Критическія замѣтки на Светонія», сюда относятся также слѣдующія *opuscula*, помѣщенные по бѣльшей части въ Журн. Мин. Нар. Просв.: къ Электрѣ Еврипида (Ж. М. Н. П., 1886, июнь); къ Аристофану (тамъ же, 1891, октябрь); къ Менандру стр. 419 (тамъ же, 1892, апрѣль); къ Ресу Еврипида ст. 835 (тамъ же, 1897, февраль); Замѣтки къ *Anacreontea* (тамъ же, 1896, ноябрь и декабрь); къ XVII, 72 стиху Вакхилида (тамъ же, 1898, май); Никита (замѣтка къ схолии на 1010 ст. «Троянокъ» Еврипида, тамъ же, 1894, октябрь); Перемѣна деко-

рацій въ «Θεσμοφορίαзусахъ» Аристофана (Στέφανος. СПб. 1895); Προμοίον въ Сицилійской комедіи (Ж. М. Н. П., 1902, январь); къ Риторикѣ Аристотеля III. 9 (тамъ же, 1895, февраль); къ Θυκιδиду III. 39 (тамъ же, 1894, июнь); Ἀλυδρόεις ὑράματα (Θук. VII. 54, тамъ же, 1894, декабрь); Ἄλοῦς κρείττων (Θук. II. 41. 3 — въ Commentationes Philologicae въ честь И. В. Помяловскаго); къ Ликургу (Ж. М. Н. П., 1893, мартъ). Кромѣ этихъ статей, затрагивающихъ памятники древне-классической литературы, Виктору Карловичу принадлежитъ еще нѣсколько замѣтокъ по поводу эпиграфическихъ текстовъ, какъ то: Къ надгробію Идаменея (Ж. М. Н. П., 1891, апрѣль); къ надгробію Инаны, дочери Главкія (тамъ же, 1892, октябрь); объ одной воспорской эпитаграммѣ (тамъ же, 1892, ноябрь); къ присягѣ Херсонисцевъ (тамъ же, 1892, октябрь), и наконецъ три статьи, изъ которыхъ двѣ разбираютъ новые эпиграфическіе документы (Одна изъ вновь найденныхъ аѳинскихъ надписей, Ж. М. Н. П., 1880, ноябрь и Παιδωσις, тамъ же, 1884, июль), а третья затрагиваетъ чисто историческій вопросъ, касающійся Саламина («Саламинская битва», Ж. М. Н. П., 1882, мартъ).

Но изученіемъ памятниковъ античнаго міра не исчерпывается научная дѣятельность Виктора Карловича, который постепенно началъ переходить къ византійской филологіи, съ присущими ему эрудиціей и тонкимъ критическимъ чутьемъ издавая и комментируя византійскіе тексты. Наиболѣе крупнымъ изъ опубликованныхъ имъ на этомъ поприщѣ литературныхъ памятниковъ являются «Записки Кекавмена», найденныя В. Г. Васильевскимъ и изданныя имъ по рукописи Московской Синодальной Библиотеки съ помощью Виктора Карловича подъ заглавіемъ «Cesaumeni Strategicon et incerti auctoris de officiis regis libellus, Petropoli, 1896».

Къ числу работъ В. К. Ернштедта по византійской филологіи относятся также и его три въ высшей степени содержательныя и интересныя статьи, касающіяся греческихъ пословицъ. Двѣ изъ нихъ, помѣщенныя въ Журн. Мин. Народн. Просв. подъ заглавіемъ: «Забытыя греческія пословицы» (1893, апрѣль и май) и «Къ мірскимъ комедіямъ Эзопа» (1894, мартъ), представляютъ собой новое изданіе 40 греческихъ пословицъ по двумъ спискамъ Московскому и Мюнхенскому, а послѣдняя, напечатанная въ 1901 г. въ Византійскомъ Временникѣ (т. VIII) и оставшаяся незаконченной, содержитъ въ себѣ найденное В. К. въ cod. Dresd. Da 35 начало того сборника пословицъ, который былъ изданъ Крумбахеромъ по рукописи Моск. Синод. Библ. 239. Эта послѣдняя статья В. К. Ернштедта «Реченія Эзопа въ Москвѣ и Дрезденѣ» кромѣ опубликованія новаго текста интересна еще и по тому, что въ ней съ новой стороны затронуть вопросъ о времени составленія сборника «Реченій Эзопа», вопросъ, который долженъ былъ быть окончательно рѣшенъ во 2-ой части статьи, не вышедшей въ свѣтъ благодаря смерти автора. Незаконченными остались по той же причинѣ и еще нѣсколько работъ Виктора Карловича по Византіи, а именно, «Синтипа» или «Повѣсть о семи мудрецахъ», «Житіе Константина Великаго» и «Выдержки Пансіа Лигарида изъ бесѣдъ Фотія».

Большинство указанных мною работ покойнаго, опираясь на греческую палеографію, какъ на необходимый базисъ, пользуется ею, какъ наукой вспомогательной, какъ средствомъ для достиженія другихъ цѣлей, но среди этихъ работъ есть нѣсколько такихъ, въ которыхъ затрагиваются и чисто-палеографическіе вопросы, имѣющіе прямое отношеніе къ теоріи палеографіи. Среди этихъ работъ первое мѣсто занимаетъ опять таки докторская диссертація Виктора Карловича, и въ частности ея первая глава, гдѣ идетъ рѣчь объ уставѣ и дается мастерское описаніе рукописи съ отступленіями къ исторіи книжнаго дѣла у Грековъ и Римлянъ. Изъ мелкихъ же статей, посвященныхъ спеціальной разработкѣ палеографіи, какъ науки самостоятельной, наиболѣе важны три слѣдующихъ: «Изъ Порфирьевской Псалтири 862 г.» (Ж. М. Н. П., 1884, ноябрь); «Греческая рукопись коптскаго письма» (тамъ же, 1884, май) и «Вѣнцій папирусъ» (тамъ же, 1901, октябрь), изъ которыхъ двѣ первыхъ устанавливають и окончательно рѣшаютъ два въ высшей степени важныхъ для палеографіи вопроса о переходѣ курсивнаго письма въ строчное и о провинціальныхъ типахъ греческаго письма, а третья представляетъ собой образцовое изданіе одного очень интереснаго папируснаго документа, дважды до той поры неудовлетворительно опубликованнаго Муральтомъ и Цюнделемъ.

Изъ краткаго очерка научной дѣятельности В. К. Ернштедта и перечня его работъ, къ числу которыхъ нужно прибавить еще «Списокъ датированныхъ греческихъ рукописей Порфирьевскаго собранія» (СПБ. 1885), видно, что дѣятельность покойнаго распадается на два періода: классическій и византійскій, причѣмъ работы и того и другого періода носятъ на себѣ строго проведенный критическій отгѣнокъ и имѣютъ своей основой палеографію. Во всѣхъ этихъ работахъ В. К. является серьезнымъ и вдумчивымъ изслѣдователемъ, избѣгающимъ построения какихъ бы то ни было блестящихъ по формѣ, но пустыхъ по содержанию гипотезъ; его единственной цѣлью было стремленіе добиться положительныхъ фактически обоснованныхъ выводовъ или же, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ таковымъ въ случаѣ недостаточной наличности необходимыхъ для этого данныхъ. Но это стремленіе къ положительному и нелюбовь къ фантастическимъ реконструкціямъ, конечно, не является показателемъ односторонности или узкости взглядовъ покойнаго, наоборотъ, и доказательствомъ этому служатъ почти всѣ крупныя работы В. К. Ернштедта, онъ старался всегда брать вопросъ шире, развивать его многостороннѣе, но при этомъ исключительно на почвѣ фактовъ и достовѣрности.

Въ своей преподавательской дѣятельности Викторъ Карловичъ оставался тѣмъ же серьезнымъ изслѣдователемъ, какимъ былъ онъ и въ своихъ научныхъ работахъ. Если въ послѣднихъ онъ старался всѣми силами избѣгать какихъ бы то ни было рискованныхъ предположеній и выводовъ, то и въ своихъ лекціяхъ, посвящаемыхъ, какъ разбору сочиненій отдѣльныхъ авторовъ, такъ и болѣе общимъ курсамъ по исторіи

литературы и языка, онъ на первый планъ выдвигалъ критическій методъ изслѣдованія источниковъ. Благодаря этому всякій студентъ, желавшій приобрести точныя филологическія свѣдѣнія, а также научиться тому, какъ слѣдуетъ обращаться съ памятниками, выносилъ изъ простой, но серьезной рѣчи профессора и знанія и умѣнье сознательно приступать къ работѣ. Главной цѣлью лекцій Виктора Карловича было способствовать развитію самостоятельной мысли въ своихъ слушателяхъ, отъ которыхъ онъ прежде всего требовалъ знанія, а не общихъ фразъ и способности трактовать обо всемъ слегка. Эту самостоятельность мысли онъ старался вызывать какъ примѣромъ своей собственной научной работы, такъ и предоставленіемъ студентамъ свободно выражать свои мысли и мнѣнія, что проводилось главнымъ образомъ на практическихъ занятіяхъ, которыя очень часто получали форму простыхъ бесѣдъ между слушателями и профессоромъ.

Мягкій и отзывчивый на всё хорошее, Викторъ Карловичъ съ полной готовностью шелъ на помощь студентамъ, какъ въ ихъ научной, такъ и въ обыденной жизни, но съ еще болѣею теплотой относился онъ къ своимъ ближайшимъ ученикамъ, для которыхъ былъ не только руководителемъ, но и безкорыстнымъ другомъ. И дѣйствительно, если съ одной стороны научная дѣятельность послѣднихъ всегда во всѣхъ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ глубоко интересовала покойнаго, который, предоставляя своимъ ученикамъ полную свободу въ ученой работѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ своимъ долгомъ предостерегать ихъ какъ отъ разбрасыванія, такъ и отъ слишкомъ ранней спеціализаціи, то съ другой стороны Викторъ Карловичъ съ глубокой любовью и сердечностью относился и ко всѣмъ проявленіямъ частной жизни близкихъ ему по духу людей, всѣмъ удачамъ и неудачамъ которыхъ всегда находили отзвукъ въ его сердцѣ. Такимъ образомъ, если наука потеряла въ лицѣ Виктора Карловича одного изъ своихъ лучшихъ представителей, то всѣ ученики покойнаго утратили съ его смертію своего лучшаго руководителя и друга, утратили человѣка, принадлежавшаго по чистотѣ своихъ нравственныхъ принциповъ къ числу тѣхъ немногихъ идеалистовъ, которые видятъ цѣль своей жизни въ вѣчномъ стремленіи къ правдѣ и истинѣ.

Г. Ф. Церетеля.